

Прачечная Ангела

Высокий старик-индеец в потертых ливайсах с красивым зунийским¹ ремнем. Длинные, совершенно седые волосы стянуты малиновым шнурком на затылке. Странное дело: целый год мы непременно оказывались у Ангела в одно и то же время. Но не одновременно. В смысле прихожу я в понедельник в семь или, допустим, в пятницу в полседьмого вечера, а он, представьте себе, уже там сидит.

Миссис Армитейдж ничем на него не походила, разве что оба дряхлые. Нью-Йорк, прачечная “Сан-Хуан” на Пятнадцатой улице. Пуэрториканцы. Весь пол в мыльной пене. Я тогда была молодой матерью, стирала пеленки с утра по четвергам. Миссис Армитейдж жила этажом выше, в квартире под номером “4-С”. Однажды утром в прачечной она дала мне ключ, а я его взяла. Она сказала: если однажды в четверг я не увижу ее здесь, значит, ее больше нет; не буду ли я так любезна зайти и обнаружить ее тело. Разве можно просить о такой страшной услуге кого бы то ни было, и вдобавок это обязывало меня стирать именно по четвергам.

Умерла она в понедельник; с тех пор ноги моей не было в “Сан-Хуане”. Тело обнаружил консьерж. Каким образом, не знаю.

1 Зўни, зўнии — индейский народ группы пуэбло на юго-западе США. (Здесь и далее — прим. перев.)

Первые несколько месяцев мы с индейцем никогда не разговаривали между собой в прачечной Ангела, но сидели рядом, на желтых пластмассовых стульях, соединенных вместе, — такие обычно стоят в аэропортах. Их ножки, скользя по драному линолеуму, издавали звук, от которого ныли зубы.

Обычно он сидел, прихлебывая “Джим Бим”, глядя на мои руки. Не прямо, а в зеркале напротив нас, висевшем над стиральными машинами “Супертемп”. Поначалу я реагировала спокойно. Старик-индеец смотрит на мои руки в грязном зеркале между пожелтевшим “ПРОКАТ УТЮГА — ДОЛЛАР ПЯТЬДЕСЯТ СЕАНС” и флуоресцентно-оранжевым: “ГОСПОДИ, ДАЙ МНЕ ДУШЕВНЫЙ ПОКОЙ, ЧТОБЫ ПРИНЯТЬ ТО, ЧЕГО Я НЕ В СИЛАХ ИЗМЕНИТЬ”. Но потом призадумалась: может, у него пунктик какой-то? Стало неуютно: он же смотрит, как я курю, как сморкаюсь, как листаю старые-престарые журналы. Леди Бёрд Джонсон¹ спускается по порогам.

В конце концов он меня довел, я сама уставилась на свои руки. И заметила его полухмылку: он меня застучал, когда я на свои руки уставилась. И наши взгляды впервые встретились в зеркале, под табличкой “НЕ ПЕРЕГРУЖАЙТЕ МАШИНЫ”.

В моих глазах — паника. Смотрю себе в глаза и снова на свои руки. Мерзкие возрастные пятна, два шрама. Совершенно не индейские, нервные, одинокие руки. Дети, мужчины, сады — все это читается по моим рукам.

Его руки в тот день (в день, когда я всмотрелась в свои) лежали на туго натянутой васильковой джинсовке, на его бедрах. Вообще-то его руки почти всегда дико дрожали, а он этого вовсе не прятал — сидел с руками на коленях, хоть бы хны.

¹ Клаудия Альта Тейлор Джонсон, известная под прозвищем “Леди Бёрд” — супруга президента США Линдона Джонсона. Уделяла большое внимание пропаганде национальных парков и активного отдыха.

Но в тот день приказал рукам не шевелиться. От натуги ко-
стяшки совершенно побелели — а так-то пальцы у него были
саманного цвета.

Я всего один раз разговаривала с миссис Армитейдж
не в прачечной: когда в ее квартире засорился унитаз и вода
хлынула на мой этаж по люстре. Лампочки не гасли, вода струи-
лась по ним жидкой радугой. Миссис Армитейдж стиснула мой
локоть своей холодной умирающей рукой и сказала: “Это же
чудо, правда?”

Его звали Тони. Он был апач-хикарилья с севера штата¹. Од-
нажды я, не глядя, поняла, что это его красивая рука легла на мое
плечо. Он дал мне три десятицентовика. Я не поняла, чуть было
не поблагодарила, но тут же увидела: его вконец трясет, с суш-
ками не управиться. Пока ты трезвый, это дело непростое. Од-
ной рукой поворачиваешь стрелочку, другой вставляешь десять
центов, опускаешь поршень, а потом выворачиваешь стрелочку
обратно, чтобы вставить еще десять центов.

Позднее он вернулся, пьяный, когда его одежда уже начи-
нала расправляться и сохнуть. Так и не сумел открыть дверцу,
сел на желтый стул и отрубился. Моя одежда высохла, я начала
ее складывать.

Мы с Ангелом положили Тони на пол в гладилке. Жарко.
Это Ангел вывешивает все молитвы и девизы “Анонимных
алкоголиков”. “БРОСЬ ДУМАТЬ — ПРОСТО БРОСЬ
ПИТЬ!” Ангел намочил в холодной воде бесхозный носок,
положил Тони на лоб, опустил на колени:

— Брат, поверь мне... Я тоже там побывал... На дне той же
сточной канавы, где ты сейчас. Я отлично знаю, каково тебе
приходится.

Тони не открывал глаза. Только дураки говорят, что отлично
знают, каково другому.

¹ Апачи-хикарилья — индейское племя, в наше время живут в штате Нью-Мек-
сико.

Прачечная-автомат “У Ангела” находится в Альбукерке, штат Нью-Мексико. На Четвертой улице. Обшарпанные магазины и кладбища автомобилей, “секонд-хенды” со списанными армейскими раскладушками, целыми коробками непарных носков, “Руководствами по гигиене” в изданиях 1940 года. Зерновые склады, мотели для любовников и пьяниц да старухи, крашенные хной, которые ходят стирать к Ангелу. К Ангелу ходят и молоденькие — совсем девчонки — замужние чиканы¹. Полотенца, коротенькие розовые ночнушки, трусики-бикини с надписью “Четверг”. Их мужья носят синие комбинезоны, на карманах вышиты витиеватыми стежками имена. Мне нравится ждать, пока в сушках мелькнут имена, расшифровывать их в зеркальном отражении. “Тина”. “Корки”. “Джуниор”.

К Ангелу ходят кочевники. К крышам их старых помоях “бьюиков” приторочены грязные матрасы и ржавые детские стульчики. Канистры с маслом протекают, брезентовые емкости с водой протекают. И стиральные машины протекают. Мужчины ждут в автомобилях, голые до пояса, комкают, допив, банки от пива “Хэммс”.

Но в основном к Ангелу ходят индейцы. Индейцы племени пуэбло из Сан-Фелипе, Лагуны и Сандии. Тони — единственный апач, который мне повстречался за всю жизнь: и в прачечной, и вообще. Мне нравится искоса смотреть на сушки, набитые индейской одеждой: перед глазами расплывается пестрая круговерть, пурпурное да оранжевое, красное да розовое.

К Ангелу хожу я. Сама даже не знаю почему, не только ради индейцев. Ехать на другой конец города. У меня в соседнем квартале есть “Кампус”: с кондиционером, с фоновой музыкой в стиле лайт-рок. С “Нью-Йоркером”, “Мс.”² и “Космополитеном”. Туда ходят жены аспирантов, покупают своим детям батончики “Зироу” и кока-колу. В прачечной “Кампус”, как

¹ Чикано, чикана — американец\американка мексиканского происхождения.

² Американский журнал либеральных феминисток.

и почти везде, висит табличка: “ОКРАШИВАНИЕ И ЗАМАЧИВАНИЕ НЕ ДОПУСКАЮТСЯ”. Куда я только ни совалась со своим зеленым покрывалом, пока не набрела на Ангела и его пожелтевшее объявление: “ТУТ КРАСЬТЕ, МОЧИТЕ СКОЛЬКО ХОТИТЕ”.

Я прекрасно видела, что мое покрывало постепенно становится не пурпурным, а еще более грязно-болотным, но мне все равно захотелось прийти сюда снова. Понравились индейцы и то, что они стирали. Сломанный автомат с кока-колой и потоп на полу напоминали Нью-Йорк. Пуэрториканцы сновали со швабрами. У них таксофон никогда не работал, у Ангела — тоже. Пошла бы я в какой-нибудь четверг к миссис Армитейдж, чтобы обнаружить ее тело?

— Я у себя в племени вождь, — сказал индеец. Посиживал себе, прихлебывал портвейн, смотрел на мои руки.

Сказал мне, что жена у него ходит убираться — так зарабатывает. Сыновей было четверо. Младший покончил с собой, старший погиб во Вьетнаме. Остальные двое водят школьные автобусы.

— А знаешь, почему ты мне нравишься? — спросил. — Не знаю. Почему? — Потому что краснокожая, — и показал на мое лицо в зеркале. Да, кожа у меня красная, но, между прочим, я в жизни не видала индейцев с красной кожей.

Ему понравилось мое имя, и он произнес его на итальянский манер: “Лю-чи-я”. Во Вторую мировую был в Италии. А-а, вот же у него на шее солдатский жетон — висит вместе с красивыми бусами из серебра и бирюзы. На жетоне большая вмятина. “Пуля?” Нет, он его обычно грыз, если донимал страх или мысли о бабах.

Однажды он предложил пойти в его автокараван: приляжем, отдохнем вместе.

— Эскимосы говорят: “посмеемся вместе”, — и я показала на изумрудную флуоресцентную бумажку “НИКОГДА

НЕ ОСТАВЛЯЙТЕ МАШИНЫ БЕЗ ПРИСМОТРА”. Мы оба захихикали — посмеялись вместе на наших сцепленных пластмассовых стульях. А потом примолкли, сидя как сидели. Тишина — только вода хлюпает, размеренно, как океанские волны. Его рука — рука Будды — сжала мою.

Проехал поезд. Он толкнул меня в бок: “Великий большой железный конь!”, и мы снова захихикали. В моей голове полно беспочвенных обобщений: я уверена, что все черные обязаны любить Чарли Паркера. Что немцы противные, а у всех индейцев чувство юмора — с прибабахом, как у моей матери. Вот один из ее любимых анекдотов: один малый нагибается завязать шнурок, подходит другой и начинает его колотить, приговаривая: “Вечно ты шнурки завязываешь!” И еще один: официант, подавая рюмку бальзама, проливает его на рубашку клиента. И говорит: “Ой-ой, я вам пролил бальзам на сердце”. Тони, бывало, рассказывал мне те же самые анекдоты, когда стирка затыгивалась.

Однажды он дико, до озверения напился, ввязался на парковке в драку с какими-то оклахомцами. Они разбили его бутылку “Джим Бима”. Ангел сказал, что купит ему полпинты, если он выслушает его в гладилке. Я перекладывала свое белье в сушку, пока Ангел говорил Тони, что сегодня — самый важный день в его жизни.

Выйдя из гладилки, Тони сунул мне свои десятицентовики. Я положила его белье в сушку, пока он мучился с крышкой на бутылке “Джим Бима”. Не успела сесть, а он начал на меня орать:

— Я вождь! Я вождь племени апачей! Иннахрен!

— И тебе, вождь, туда же.

Сидит, выпивает, смотрит на мои руки в зеркале.

— Как так вышло, что ты стираешь на апачей?

Не знаю, почему я так сказала. Страшные слова. Наверно, хотела его рассмешить. Надо сказать, он и вправду засмеялся.

— Какого ты племени, краснокожая? — спросил он, глядя, как мои руки вытаскивают из пачки сигарету.

— А знаешь, у кого я прикурила свою первую сигарету? У принца! Ты мне веришь?

— Верю-верю. Дать тебе прикурить? — он чиркнул спичкой, и мы улыбнулись друг другу. Мы сидели очень близко, а потом он отрубился, и я осталась в зеркале одна.

Там была еще какая-то девочка — не в зеркале, она у окна сидела. От пара ее волосы закручивались: изящные боттичеллиевские кудри. Я прочитала все таблички и объявления. “ГОСПОДИ, ДАЙ МНЕ МУЖЕСТВО”. “КРОВАТКА НОВАЯ, НИ РАЗУ НЕ Б/У (РЕБЕНОК УМЕР)”.

Девочка сложила свое белье в корзину бирюзового цвета и ушла. Я переложила свое на стол, проверила белье Тони, опустила еще десятицентовик. Я была в прачечной Ангела одна — наедине с Тони. Смотрела в зеркале на свои руки и глаза. Красивые голубые глаза.

Однажды в Винье-дель-Мар я каталась на яхте. У кого-то стрельнула сигарету — первую в жизни, а принцу Али Хану сказала: “Дайте прикурить”. “*Enchanté*”¹, — сказал он. Впрочем, у него не оказалось спичек.

Я сложила свое белье, а когда Ангел вернулся, поехала домой.

Не могу припомнить, скоро ли до меня дошло, что после того раза старик-индеец мне больше не попадался.

1 Здесь: рад служить (*фр.*).